

толицизма и протестантизма. Но негативное, порой доходящее до раздражения отношение писателя к католицизму следует понимать исторически. Достоевский нигде не высказывается ни по одному догматическому вопросу, разделяющему католицизм и православие. Он не интересуется такими проблемами, как непорочность Богородицы, происхождение Святого Духа и т.п. Единственное, что вызывает его непримиримые возражения, — это догмат о непогрешимости Папы, но этот пункт был новым для того времени и вызвал споры и раскол внутри самого католицизма. В 70-е годы XIX века Римско-католическая церковь в самом деле вела решительную борьбу за власть, это смущало даже многих католиков. Можно предположить, что выпады Достоевского против католической церкви носили больше национальный и политический, чем религиозный, тем более — богословский характер.

Какое же заключение из всего сказанного об отношении Достоевского к православию и христианству в целом можно сделать, что может “взять на вооружение” школьный учитель? К сожалению, приходится констатировать, что вопрос о религиозности великого писателя нельзя считать решённым. Из трёх возможных ответов — 1) атеист, 2) колеблющийся и ищущий веры, 3) безусловно верующий — следует однозначно исключить только первый. Наверное, так и надо объяснить ученикам: учёные, настаивающие безоговорочно на втором или на третьем варианте ответа как на истинном, вряд ли правы.

С такими же сложностями мы сталкиваемся, когда обращаемся к художественным произведениям Достоевского. Можно ли противопоставить Сою Мармеладову Раскольникову, старца Зосиму — Ивану Карамазову, Тихона — Ставрогину как найденное разрешение, выход из тупика, в который зашли герои? Критика расходится во мнениях, а значит, для школьника эти вопросы остаются пока без ответов. Правильнее сослаться на теорию полифоничности романов Достоевского, говорить, что в них дан диалог, спор, а не решение. Мы не можем цитировать, скажем, слова Кириллова из «Бесов» о том, что человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив, и забывать о Кириллове, который прячется от Верховенского за шкаф, когда боится совершить обещанное самоубийство.

Как же следует учителю учитывать всевозможные библейские аллюзии, реминисценции, цитаты и что говорить о православии для понимания смысла и формы романа Достоевского «Преступление и наказание»?

В черновиках к роману писатель делает запись, часто цитируемую исследователями:

“ИДЕЯ РОМАНА. ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЗЗРЕНИЕ, В ЧЁМ ЕСТЬ ПРАВОСЛАВИЕ”. Из этой фразы порой делается однозначный вывод о том, что основное в романе — это мысль о православной вере. Безусловно, мысли о православии были чрезвычайно важны для Достоевского, главная героиня романа является носителем именно такой веры. Приведённая фраза в подготовительных материалах — не единственная, есть, например, и такое: “NB: ПОСЛЕДНЯЯ СТРОЧКА: Неисповедимы пути, которыми Бог находит человека”. И всё же значение слов об “идее романа” не следует преувеличивать. После процитированной заголовка следуют слова, которые никак нельзя свести однозначно к декларируемой идее православия: “Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, — есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами [страдания]”. Даже сами слова, которые выбирает писатель, — “закон нашей планеты”, “непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом” (курсив наш. — С.Ж.) — явно говорят о том, что мышление Достоевского не было однозначно религиозным.

Отметим также, что знаменитая запись была сделана не в начале работы над романом, её можно трактовать как одну из попыток как-то ярко, рельефно и коротко сформулировать основную идею уже почти написанного произведения. Таких попыток довольно много, и нередко Достоевский обходится при этом и вовсе без религиозной символики: “ГЛАВНАЯ АНТИНОМИЯ РОМАНА: Столкновение с действительностью и логический выход к природе и (долгу)” (курсив наш. — С.Ж.). У Достоевского всегда бывало много набросков, которые он для себя помечает такими словами, как “главная идея; основная мысль, главное *nota bene*” и т.п. Он обычно подыскивает какой-нибудь яркий образ, символ, который поможет ему вспомнить важное для него настроение, ощущение того или иного эпизода или проводимой идеи. Например, он пишет: “Капительнейшее. Порфирий его посещает. Разговор уединённый”.

В этом же ключе следует прочитывать и записи, где затрагивается религиозная проблематика романа — не преуменьшая, но и не преувеличивая их значение: “С одной стороны похороны и проклятие, с другой — [воскресение]” — это тоже запись ко всему роману, и толковать её как выражение религиозного мировоззрения — это преувеличение; здесь ясно говорится о двух сторонах. В самом заглавии романа не содержится никакого намёка на религиозность (в отличие от, скажем, толстовского «Воскресения»), наоборот, оно отсылает к уголовной хронике современной